

Сэмюел
ДИЛЭНИ

SAMUEL R.
DELANY

FLIGHT FROM NEVÈRYÖN
RETURN TO NEVÈRYÖN

Сэмюел
ДИЛЭНИ

ПОБЕГ ИЗ НЕВЕРИОНА
ВОЗВРАЩЕНИЕ
В НЕВЕРИОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Д46

Серия «Мастера фантазии»

Samuel R. Delany

FLIGHT FROM NEVERYON
RETURN FROM NEVERYON

Перевод с английского *Н. Виленской*

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
BAROR INTERNATIONAL, INC. и Nova Littera SIA.

Дилэни, Сэмюел Рэй.

Д46 Побег из Невериона. Возвращение в Неверион : [сборник] / Сэмюел Дилэни ; [перевод с английского Н. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 448 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-146160-7

Неверион — это мир патриархальных ценностей и жгучих желаний, мир бесстрашных женщин и мужчин, странствующих в вечном поиске.

Здесь происходит бесконечное коловращение реалистичных мифов и вздорных слухов. Здесь правит бал чума, забирающая всех без разбора. Здесь пробуждаются зловещие старые боги, ревниво охраняющие врата между правдой и ложью, между внутренним и внешним, между «да» и «нет».

В этой стране немало героев и злодеев, и одна из значительных фигур Невериона — великий борец с рабством Горжик Освободитель, печальный старый человек, сполна вкусивший горечи славы и сладости утрат... Он — плоть от плоти этой волшебной земли, и о его проникновении в Неверион, в мысли, в память, в судьбы тысяч людей расскажут эти страницы.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Samuel R. Delany, 1979, 1983, 1988, 1993

© Перевод. Н. Виленская, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Побег из Неверииона

*Посвящается Фрэнку Ромео,
Роберту Браварду, Камилле Декарнен, Майку Элкинсу,
Грегори Фраксу, Роберту Моралесу, Майклу Пеплоу
и, конечно, Айви, распечатавшей файл i*

Нет такого понятия, как абсолютно корректное значение слова: его делает невозможным та самая некорректность метафорической перестановки, которую оно пытается исключить. Некорректность перемещаемости значения и бесконечных синтаксических ссылок за пределами, очерченными корректным значением, — величина материальная. Поэтому навязывание однозначного, самотождественного значения, выходящего за пределы сериальной перестановки, является метафизическим или идеалистическим. Его политический эквивалент — это абсолютистское государство (будь то диктаторское или либеральное), препятствующее перемещаемости власти революционным путем. А политический эквивалент перестановки — силы, которую деконструкция противопоставляет абсолютистским философиям тождественности, — это постоянные, многочисленные революции, открытость материальных сил, препятствующих навязыванию власти.

Майкл Райан
Марксизм и деконструкция

ПОВЕСТЬ О ТУМАНЕ И ГРАНИТЕ

Вряд ли можно считать случайностью, что дебаты ведутся вокруг криминальной истории — ограбления и его развязки. В каждом из этих текстов присутствует система правосудия, и действия власти налицо, вопреки отсутствию литературного мастерства.

Барбара Джонсон
Критическое различие

1

Несколько мгновений великан спал мирно, но потом на его лицо упала капля, три капли, двадцать капель.

Его ноздри раздулись, ресницы дрогнули. Голова перекатилась по камню.

— Уйди, одноглазый чертенок! Уйди! — прохрипел он. Лежащая на груди рука поднялась, будто отстраняя что-то. Вокруг нее обмоталась цепь.

Эти возгласы и дребезжание цепи разбудили маленького человечка, прикорнувшего под боком большого. Он привстал на колени, и пальцы великана тут же вцепились в его узкие плечики.

— Успокойся, хозяин! — прошептал маленький. — Свет мой, господин мой, любовь моя, жизнь моя!

— Я сон видел, Нойед...

— О чем, хозяин? Что тебе снилось?

Голова маленького заслоняла луну, окруженную ореолом. Крестьяне при виде его предсказывают, что через пять дней

пойдет дождь, но так не всегда бывает — заволочут тучи небо, и все на этом.

— Мне снился ты, Нойед.

— Я, хозяин?

— Да, только гораздо моложе, как в давние времена. Грязный и перепуганный, ты лежал на земле, а я вместе с другими...

— Хозяин?

— Либо ты, Нойед, знаешь то, чего я никогда не пойму, а сказать мне не хочешь, либо я знаю то, что, вопреки всей своей борьбе с рабством, никогда не решусь сказать.

— Хозяин... — Нойед уткнулся лбом ему в грудь.

— Погоди-ка. — Горжик нащупал ошейник, слишком большой для тощей шеи Нойеда. — Не надо тебе больше это носить, пора вернуть его мне. — Он разомкнул петлю, но маленькие пальцы Нойеда судорожно, чуть не до кости, вцепились в его запястья.

— Что такое? — Волосы Нойеда пахли псиной и мокрыми листьями.

— Не забирай его у меня!

— Почему?

— Ты сказал, что один из нас непременно должен его носить...

— Здесь да, но днем его ношу только я, как символ существующего в Невериионе рабства.

— Не надо!

Сухой лист трепетал на перилах, словно собираясь слететь с крыши навстречу чьим-то глазам, обращенным вверх.

— Чего не надо?

«Он слышит голоса всех, кто умолял отдать им его ошейник», — думал маленький.

«Я мог бы поймать этот листок и спасти его от тысячи грозящих ему опасностей», — думал большой.

— Это украшение не для тебя, хозяин. Оставь его мне! — Листок упорхнул прочь. — Позволь быть твоим знаменосцем. И это тоже... — Нойед потряс цепь с позеленевшей астроябией на груди Горжика. — Завтра ты встречаешься с бароном Кродаром при Высоком Дворе, зачем тебе это? И еще вот... — Он

коснулся ножа на бедре Горжика. — Ходи голый, хозяин. Твоя нагота скажет о тебе больше, чем любые доспехи и украшения.

— Почему ты так говоришь?

— Смотри, хозяин! — Нойед перекатился на живот. — Смотри!

Горжик приподнялся на локте.

Часть зубцов у края крыши обвалилась, и между ними виден был двор. У пристройки, вокруг костра, стояли люди — как с оружием, так и без.

— Мы лежим на крыше твоей ставки, а это твои сторонники. После сегодняшней победы ты всего на шаг от того, чтобы стать самым могущественным человеком в Неверионе.

— Нет, Нойед, — хмыкнул Горжик. — В Колхари и тем более в Неверионе моя власть ничего не значит. Победу мы одержали случайно, и плохим я был бы мятежником, если бы чрезмерно ею гордился.

— Но ты *можешь* стать самым могущественным из всех. И чтобы это случилось, кто-то — да хоть бы и я — должен верить, что это возможно. Ходи голый, хозяин. Пусть твое бесстрашие послужит тебе защитой, а мне позволь носить... нет, позволь мне *быть* твоим символом.

— Я не понимаю тебя, Нойед.

— Посмотри вон туда. — Нойед теперь показывал не на мужчин и женщин, собравшихся у костра, а вдаль, где при луне чернели холмы. — Видишь, там туман собирается. К свету он затянет весь Колхари и будет держаться, пока солнце его не выжжет. Спустись в этот туман нагим и слейся с ним воедино. Без признаков, по которым люди тебя узнают, ты станешь для них невидимым — по крайней мере, таким же бесплотным, как этот туман. Твоя власть — невеликая пока, но растущая — станет безграничной и вездесущей. Вот чего ты можешь достичь, став невидимым, отринув все свои знаки отличия. Ты будешь проходить по всем городам империи, как туман, в то время как я...

— Что за чушь, Нойед! — засмеялся Горжик. — Видно, несчастья, перенесенные в детстве и юности, здорово тебя подкосили, раз ты несешь такой бред.

— Нет, не бред! Без одежды, оружия и украшений ты сможешь проникать всюду, а если тебе нужно срочно быть где-то, используй меня! Я в твоём ошейнике буду стоять где прикажешь, как твоя воплощенная воля, и ты освободишься для более важных дел. Ошейник сделает меня невидимым для рабовладельцев, как сделал тебя, знатым господам будет напоминать о бедственном положении рабов, а простым труженикам — о существовании зла, на которое они предпочли бы закрыть глаза. Разве я, кривой заморыш, плохой представитель Горжика? — засмеялся Нойед. — Ты носишь ошейник, потому что был когда-то рабом — я тоже им был. Ошейник способствует твоим плотским желаниям — и моим тоже, как ты мог убедиться. Мы с тобой очень похожи, хозяин, так почему не использовать меня как замену? Почему не двигать меня, как фигуру в игре власти и времени, посылая меня, слугу твоего и шпиона, туда и сюда? Позволь мне быть твоим заместителем на гранитных улицах городов, позволь сделать тебя невидимым. Я буду твоей маркой, ты — моим содержанием. Я буду твоим знаком, ты — моим значением. Ты освободишься, станешь действовать быстрее, достигнешь большего.

— Нет, Нойед, — потому что я знаю то, чего ты не знаешь. А может, и знаешь, но обманываешь меня.

— Хозяин, я буду руками и ногами твоими, поясом твоим и клинком, словом твоим и мудростью. Буду везде, на широких улицах и в укромных дворах. Позволь только носить твой знак.

— Говорю же: нет. Хватит чушь городить.

— Клянусь моей любовью к тебе, к рукам твоим и ногам, к твоему рту, и глазам, и ушам: это не чушь, а мысли разбойника, бродяги, убийцы, которые я долго вынашивал.

— Вздор, вот что это такое. Впрочем... завтра мне идти ко двору, и в твоих словах, возможно, есть доля правды...

И когда великан и заморыш сошли во двор, к стоящим у костра людям, ошейник так и остался на шее Нойеда, а на Горжике больше не было ни астроябии, ни ножа, ни меча, ни пояса — он раздал или бросил все это, спускаясь с крыши.

2

Несколько лет спустя молодой контрабандист вел своего вола, запряженного в почти пустую повозку, по окраинным улицам Колхари.

Светила ущербная луна.

Этот крепко сбитый парень мог показаться увальнем, деревенщиной — он не слишком пообтесался с тех пор, как сбежал из деревни в город. Но многие находили его довольно пригожим, несмотря на рябые щеки и лоб. Такое лицо могло принадлежать как крестьянину, так и принцу, но натруженные руки, потрескавшиеся ступни и холщовая повязка на обозначившемся уже пивном пузе ясно давали понять: нет, не принц.

Улица, по которой грохотала его повозка, считалась границей между Саллезе, кварталом зажиточных купцов, предпринимателей, разбогатевших ремесленников, и Неверионой, где стояли фамильные особняки аристократов, — но с недавних пор эта граница утратила свою четкость. Некоторые семьи богатых дельцов жили в одном доме на протяжении трех поколений, а то и титулы получали, выдав свою младшую дочь за чьего-то старшего сына, семьям же аристократов зачастую приходилось пускаться в коммерцию.

Лунный свет лишал красок листву и стволы деревьев.

Сколько еще до рассвета, часа два?

К перекрестку что-то ползло. Бледное, медленное, огромное, как дракон.

Туман, пришедший с холмов, заполнил весь город и приник к морю холодом осеннего поцелуя.

При своем последнем посещении Неверионы в лунную ночь контрабандист видел крыши господских домов до самого Высокого Двора и черные гребни холмов, но теперь и то и другое заволочла жемчужная пелена.

Туман, подступая и слева и справа, клубился вокруг повозки, словно призрачный океан.

Контрабандист оглянулся через плечо. Он, как вы понимаете, много путешествовал и часто оглядывался вот так, думая: «Неужто я прошел весь этот путь?» Пройденное им расстояние

рождало и страх, и гордость в его душе. Но сейчас улица позади казалась не столько улицей, сколько двором; туман, поглощая расстояния и сзади и впереди, поглощал заодно страх, гордость и все прочие чувства. Контрабандист, шлепая босыми ногами по мокрым листьям, казался сам себе маленьким и очень одиноким.

Впереди выступили из тумана зубцы на крыше высокого здания. Контрабандист знал, что этот дом, как и несколько соседних, пустует, но о нем ходили легенды. Он приблизился, чтобы получше рассмотреть фасад с обвалившимися изразцами и обломки терракотовых статуй.

Дом когда-то принадлежал южному вельможе, барону Альдамиру. Лишившись власти на юге, барон стал сдавать свой городской особняк другим знатным жильцам, отчего дом пришел в полное запустение. В конце концов его снял мятежный Горжик Освободитель, вознамерившийся искоренить рабство во всем Невериионе. Его часовые стояли у ворот и расхаживали по крыше, всадники подъезжали к воротам и выкрикивали обращенные к предводителю послания.

Говорили, что Освободитель, настоящий великан с виду, сам был когда-то рабом на императорских обсидиановых рудниках у подножия Фальтских гор и даже свободным продолжал носить рабский ошейник, поклявшись не снимать его, пока рабство не будет отменено указом сверху или восстанием снизу.

Позже стали говорить, что его склонность к решительным мерам не слишком беспокоила государство: рабство начало понемногу рушиться еще четверть века назад, когда Дракона изгнал из Высокого Двора Орел в лице малютки-императрицы Инельго, справедливой и великодушной владычицы нашей. Вельмож, купцов и чиновников куда больше тревожила его внешность: внешний вид многое говорит о возможностях, особенно если знаешь, что внешность может быть как правдива, так и обманчива.

Все покушения на жизнь Освободителя заканчивались провалом, но однажды случилось вот что. Безработные бедняки, подкрепленные солдатами из личной стражи придворных

(их хозяева предпочли остаться безымянными, как боги-ремесленники), напали на дом Освободителя ночью, в месяц хорька, когда город окутывает туман.

С этого места историю рассказывали по-разному. Одни говорили, что Горжик, услышав приближение толпы, бежал со своими сторонниками из Колхари в Фальты. Быть того не может, говорили другие: нападение было внезапным и обошлось без шума. Скорее всего толпа ошиблась домом из-за тумана, и Горжик, услышав это, успел бежать. Третьи утверждали, что дом был правильный — тот самый, перед которым стоял сейчас контрабандист, — а неверными оказались сведения, что Освободитель находится здесь: тот скрывался совсем в другом месте.

Все рассказчики, однако, сходились в одном: когда захватчики вломилась в дом, он был пуст. Часовые у ворот и на крыше отсутствовали. В комнатах не было мебели, в кухне мусора. Бродяги, возможно, перелезали иногда через стену и разводили костры во дворе, но обгорелый хворост вполне мог остаться в кострищах с прошлого месяца или прошлого года. Как предводитель мятежников со своими писцами, офицерами, солдатами, провизией и оружием умудрился исчезнуть из огражденной стеной усадьбы, предупрежденный самое большее за час (а скорей куда меньше), не оставив следов?

Это был еще не конец истории, но тут ее опять рассказывали всяк на свой лад. Освободитель продолжает действовать по всему Невериону, как на юге, так и на севере, говорили одни. Освободителя больше нет, да и не было никогда, заявляли другие. Был только чудаковатый свободный гражданин, носивший из прихоти рабский ошейник, бродивший по Старому Рынку на Шпоре и разглагольствовавший в тавернах. Да и это был подставной Освободитель, утверждали иные, такой же ложный, как и его мнимая ставка. Великан в ошейнике — это один из его помощников, а настоящий Освободитель мал ростом и крив на один глаз; раньше он был хитроумным разбойником (а может, и рабом) и ошейник носил по неким извращенным плотским соображениям. Да нет же, возражали им: великан — это настоящий Освободитель, а одноглазый — один

из его приспешников. И оба носили ошейник, добавляли те, кто якобы видел их. Носили в разное время по разным, вполне здоровым, причинам. От одного пьяного солдата контрабандист слышал, что никакого одноглазого вовсе не было; солдат этот служил под началом у Горжика в императорской армии. «Это просто сон такой ему снился. Я это помню не хуже, чем очаг своей матери. Мы стояли ночью на часах у его палатки и слышали, как он бормочет во сне про какого-то одноглазого». «Не было как раз великана со шрамом, — говорил калека-карманник, бывший будто бы в одной шайке с одноглазым. Как-то ночью у костра, в пещерах Макалаты, он рассказал нам про большого десятника со шрамом, который был к нему добр, когда его в юности схватили работоторговцы. Просто байка такая». Однако, какую бы непреложную истину ни отражали или ни искажали многочисленные рассказчики, все сходилось в одном — как и в том, что дом Освободителя той туманной ночью был пуст: как раз в такую ночь, когда размываются все границы и контуры, Освободитель (если он существует) и нанесет свой решающий удар.

Возчик и вол снова двинулись сквозь туман. Контрабандист знал больше этих противоречивых историй, чем можно ожидать от человека столь низкого положения. Будь он способен записать или прочесть эти истории, мы назвали бы его даже историографом Горжика, но он был неграмотен, как и большинство тогдашнего населения.

Скорый на улыбку, но не речистый, он и сам себя выставлял полным недоумком, подтверждая это собственными историями (преувеличенными, конечно). Случайные знакомые находили его приятным и сразу же забывали; лишь немногие помнили, какие разумные, в самую точку, вопросы он задавал. И уж совсем немногие разглядели бы в этом парне с широкими запястьями, толстенными пальцами и пивным брюхом человека одержимого.

Где бы ни заходила речь об Освободителе — в городских тавернах, на рынках Колхари, на захолустных постоялых дворах и в пустынных оазисах, — он весь обращался в слух, а после выспрашивал рассказчиков, основываясь на собственных